

УДК 82.09

Бакиров Р.А.

Казанский федеральный университет

**ФЕНОМЕН ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ МАСКИ:
ПРЕДРОМАНТИК Г.П. КАМЕНЕВ ГЛАЗАМИ
КАЗАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА Е.А. БОБРОВА***

R. Bakirov

Kazan Federal University

**THE PHENOMENON OF FORMATION OF THE LITERARY MASK:
G. KAMENEV THROUGH THE EYES KAZAN LITERARY SCHOLAR E. BOBROV**

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования литературной маски как процесса во многом обусловленного взглядом учёного-литературоведа. Автор раскрывает особенности масочного пространства в литературе русского предромантизма и отдельно останавливается на творчестве казанского поэта Г.П. Каменева. Далее автор переходит к анализу проявлений философско-психологических элементов масочности в исследованиях представителя Казанской школы академического литературоведения Е.А. Боброва. Автор приходит к выводу, что теория литературной маски органически соотносится с мировоззренческой системой Боброва и потенциально служит необходимой составляющей для конструирования объективного образа писателя в культуре как житнетворческой категории. На основе этого в статье проводится анализ взгляда исследователя на писателя и выводятся основные составляющие представлений Боброва о литературной маске Каменева. В научный оборот заново вводятся некоторые малодоступные тексты Е.А. Боброва.

Ключевые слова: литературная маска, предромантизм, казанское литературоведение, Г.П. Камнев, Е.А. Бобров.

Abstract. The article deals with the problem of the literary mask formation as a process caused by the views of literary scientists. The author reveals features of a mask in Russian Preromanticism and separately stops on the creativity of the Kazan poet G. Kamenev. Then the author goes on to analyze the manifestations of the philosophical and psychological elements of mask in studies of E. Bobrov, the representative of the Kazan school of academic literary criticism. The author comes to the conclusion that the theory of literary masks organically related to the Bobrov's ideological system and potentially served as a necessary component for the construction of an image of the writer in culture. Based on this, the author analyzes the views of the researcher on the writer and lists the main components of the Bobrov's literary representations of Kamenev's mask.

Key words: literary mask, Kazan literary scholarship, Preromanticism, G. Kamenev, E. Bobrov.

М.М. Бахтину принадлежит интереснейшая мысль о том, что «автор – пленник своей эпохи, своей современности. Последующие времена освобождают его от этого плена, и литературоведение призвано помочь этому освобождению» [1, с. 332]. Обозначенная здесь Бахтиным прямая зависимость феномена авторства и всех его составляющих от позднейшей

© Бакиров Р.А., 2012.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (грант-проект ФЦП «Региональная модель формирования и развития русского академического литературоведения: Казанская научная школа»: № соглашения 14.А18.21.0536).

литературоведческой интерпретации позволяет сделать вывод о важности и анализа взгляда учёного-литературоведа и необходимости его внедрения в контексте его эпохи при составлении объективной картины художественного творчества и самого «образа автора». Одной же из самых неисследованных сторон авторского феномена и поныне остаётся категория литературной маски. Среди основных черт авторской маски наиболее характерными представляются те, которые связаны с автобиографическим началом [22, с. 11; 18, с. 36; 23]. Однако при всём необходимом автобиографизме литературной маски нужно не забывать и том, что «помимо сугубо биографических, лирическая маска <...> актуализирует гораздо более широкий спектр ассоциаций и аллюзий, получающих свое идеологическое, общекультурное, литературное, историко-философское или социально-психологическое обоснование» [27, с. 117]. Маска, таким образом, является одним из механизмов функционирования не только литературы, но и культуры вообще. Расцвет же масочности как своеобразного культурного факта приходится на рубеж XVIII-XIX веков [20, с. 100, 197, 343], когда не только литература «переливалась в жизнь, но и жизнь становилась формой литературного творчества» [21, с. 23]. Проявилась маска на рубеже XVIII-XIX веков, в большей степени, в литературе предромантизма как явления самого по себе порубежного. В частности, именно в предромантической поэзии складывается феномен «личностной рефлексии» [24, с. 25], являющейся своеобразным «идейным» компонентом авторской маски в лирике на пути её движения к лирическому герою поэзии романтизма. Наиболее же полно «личностная рефлексия» нашла своё выражение, как известно, в «кладбищенской поэзии» как одной из доминирующих форм литературы «тёмного» предромантизма¹. Если же говорить собственно о внутренних характеристиках маски писателя-предромантика такого типа, то в данном случае мы вполне

¹ О разделении русского предромантизма на «светлую» и «тёмную» его разновидности см.: [25].

можем выделить некий общий «рецепт» её составления: здесь сливаются элементы готической, элегико-идиллической, оссианической и литературно-масонской поэтик. Особенным образом это проявилось именно в «кладбищенской» модификации русской элегии, для авторов которой «ореол мрачности, ипохондрии, уныния – это своего рода художественная игра, мистификация, созданный образ» [19, с. 73]. Здесь также важно помнить как раз об автобиографической составляющей «кладбищенской» элегии, тем более учитывая главенствующее влияние на её развитие в России поэзии Э. Юнга, во многом обусловленной как раз личной трагедией писателя. Гораздо меньше подобного автобиографизма присутствует в вершинных произведениях русских элегиков рубежа веков. Здесь происходит скорее обратное влияние, и уже жизнь смотрит на «искусство как на область моделей и программ. <...> Жизнь избирает себе искусство в качестве образца и спешит «подражать» ему» [20, с. 181]. Соответственно таким моделям формируются и соотносимые с ними маски, как поведенческие, так и литературные.

Типичным примером реализации такого рода маски является жизнь и творчество казанского писателя-предромантика «кладбищенского направления» в поэзии Гавриила Петровича Каменева (1772-1803). Практически во всех творческих опытах Каменева присутствует предельно близкий к автору внетекстовому, реальному, лирический субъект со структурными элементами литературной маски. Выделяется же этот тип авторского сознания не только в каменевской лирике, но также в художественной и художественно-документальной прозе (в данном случае мы говорим об эпистолярном наследии писателя, весьма своеобразном по своим жанровым характеристикам). Характерная маска ищущего смерти «меланхолика» весьма удачно ложится в контекст динамично развивающейся «тёмной» предромантической поэтики, проникая в саму эту систему. Так, у Каменева она, например, отражена во всех

его литературных жанрах и в поведенческой модели: в Казани же любимым местом прогулок Каменева становится именно кладбище Хизического монастыря. Именно «блуждая постоянно по кладбищу и непрерывно предаваясь своему отчаянию, Каменев дожидался до галлюцинаций» [7, с. 89], что стало основой сюжета его этюда «Хижицы», а также отразилось в его стихотворении «Сон». Вскоре после написания этих произведений Каменев ушёл из жизни, «приняв смерть от меланхолии». Таким образом, маска сначала выявилась у Каменева в феномене «личностной рефлексии», а затем стала уже не жизнью, а «смертетворческим» фактором.

Между тем, личность и творчество Каменева являются одними из самых малоисследованных в истории русской литературы. Вплоть до современности во многом определяющими образ писателя в литературоведении остаются исследования профессора Казанского университета Евгения Александровича Боброва (1867-1933)¹. Являясь представителем академической школы литературоведения, Бобров, тем не менее, не может быть вполне причислен к какому-либо определённому её направлению. Для исследовательского метода Боброва характерен синтез исследовательских средств биографического и культурно-исторического литературоведения, с включением элементов методологии философии и психологии, а также вниманием к текстологическим проблемам. Объясняется эта особенность литературоведческой мысли Боброва широким кругом первоначальных интересов учёного: с 1893 по 1896 гг. он преподавал в Дерптском университете древнюю и новую историю философии, логику, психологию, а в 1895 г. защитил магистерскую диссертацию по философии на тему «Отношение искусства к науке и нравственности» [9]. Основной же этап интереса учёного к литературе связан с его работой в Казанском университете, в котором он преподавал в 1896-1903 годах в должности экстраординарного профессора философии.

¹ О жизни и научном творчестве Е.А. Боброва подробнее [16].

При этом ещё в 1898 ему была присвоена степень кандидата русской словесности за диссертацию о Д.В. Веневитинове. Однако наиболее востребованными в современной науке оказались литературоведческие работы Боброва, посвящённые Г.П. Каменеву [4, 5, 7, 11]. Представляется важным включение этих работ в общий контекст формирования литературной маски Каменева, учитывая внимание учёного не отдельно к биографической [17] или творческой [15] её составляющей, а ко всему житнетворческому потенциалу каменевского феномена. Эта особенность анализа Бобровым каменевского творческого материала во многом и определила методологическую доминанту последующих исследований, посвящённых казанскому писателю.

В этом отношении особенно интересно, что основным текстовым материалом, с которым «работает» Е.А. Бобров, является эпистолярное наследие Каменева, наиболее сложная в жанровом плане разновидность каменевского текста. С характерным для всех писем (как жанровой формы) документализмом здесь сочетаются весьма самобытные обильные вкрапления художественности, не позволяющие с полной уверенностью определить как внутридигетическую авторскую инстанцию², так и адресата. Кроме того, определённую сложность для работы Боброва и для последующих интерпретаторов его исследований представляет практически полная неразработанность терминологического словаря науки литературоведения того времени. Не имея возможности осознанно работать с такими понятиями, как «маска», «лирический герой», «автор вне- и внутритекстовой» и т. д., Бобров почти во всех слу-

² В случае, если доминировать в тексте будет документализм, то с большой степенью вероятности мы будем иметь дело с автором, предельно близким к реальному, внехудожественному; если же художественность – разумеется, наоборот, практически иным типом авторского сознания. Таким образом, литературная маска как инстанция пограничная, одновременно автобиографическая и вымышленная, для таких типов текстов представляется наиболее подходящим вариантом, позволяющим предельно точно выразить их авторскую специфику.

чаях отождествляет реальную личность писателя и автора внутритекстового. Причём происходит это не только при анализе им эпистолярного наследия Каменева, но и при рассмотрении литературно-художественного прозаического и поэтического творчества казанского писателя¹.

Однако, несмотря на вышеназванную общую неоформленность понимания теории авторских инстанций в тексте в литературоведении рубежа XIX-XX веков мы можем говорить о присутствии в исследовательской картине мира Боброва довольно обширного пласта элементов феномена масочности. Думается, обусловлено это профессиональным интересом учёного в том числе к философии и психологии – именно тем областям, которые вкупе с литературоведением и формируют основное «научное поле» исследования литературной маски.

Среди главных же особенностей философско-психологического взгляда Е.А. Боброва следует выделить то, что «основу мировоззрения профессора составлял персонализм. <...> В центре персонализма Боброва находится признание личности как высшей духовной ценности, а также идеи первичной данности реальности воспринимающему субъекту» [28, с. 58]. Свою же философско-психологическую концепцию Бобров назвал «критическим индивидуализмом», который «выступает как учение о личности как онтологической категории, основном проявлении бытия» [29, с. 7]. Соответственно этому в монографии «О понятии искусства» Бобров писал, что внешний мир и его прекрасные предметы «есть не более как проекция, т. е. нами самими произведённое вынесение наружу и субстанцирование своего собствен-

ного душевного содержания: представлений, впечатлений и пр., даже понятий и иных логических форм» [цит. по: 28, с. 58]. При этом учёный считал, что, «первою задачи поэтики будет определение специфического характера искусства, как деятельности души» [9, с. 9], так как «существует особое всегда психическое соотношение (сознаётся оно или нет – всё равно) между творцом и его творческой деятельностью» [9, с. 72]. Таким образом, уже и в бобровских исследованиях нелитературоведческого характера, определяемых прежде всего личным мировоззренческим отношением учёного к реальности, мы можем в полной мере найти следы феномена масочности, для которого характерно стремление строить субъектно-объектные и объектно-объектные отношения окружающего мира, исходя из интенциональной направленности. В частности, поведенческая маска предполагает, что мир вокруг способен изменяться, подстраиваясь под определённый масочный тип. По сути, протеизм становится для масочной логики единственным способом управления бытием. В отношении Каменева, например, это проявляется в том, что весь реальный мир для писателя – это воплощение его мрачных представлений, перестраивается же он исключительно исходя из конкретного настроения конкретного субъекта, одновременно дополнительно подпитывая масочную форму². При этом в

² См., например, из писем Каменева: «Напившись чаю я почувствовал жестокий жар и думал что это начало болезни, долженствующей умертвить меня. Ночь была ветрена, темна, дождь стучал в оконницы, и нахтвехтеры, которые кричат часы, ходя по улицам; осиплым своим голосом помножали тоску мою. Если умру здесь, думал я, то разве один Иван поплачет над моим трупом, и прежде нежели вы узнаете, что друга вашего нет на свете; зимний ветер занесет бугор снегу на могиле его. Слава богу!.. С зарею утра взошла надежда на горизонте отчаяния. Я имел сильный пот, и теперь начинаю оправляться...» [26, с. 131] (в данном случае мы видим и характерное для сентименталистско-предромантической поэтики сообразие пейзажных мотивов и душевных переживаний автора/героя); сходное, но уже с гораздо большей степенью авторефлексивности, мы читаем в другом письме: «в продолжение моей болезни имел я время сделать Voyage autour de ma chambre (Путешествие по моей комнате). Рассматривая картины, которыми комната увешена, мое

мировоззренческой системе Боброва вполне ясно формируется определённое понимание поведенческой маски как характерной черты социальной личности вообще – в статье о Н. Добролюбова учёный эмоционально пишет: «Мы постепенно приучаемся казаться иными, чем мы есть на самом деле, мы начинаем носить маску пред светом, тяжёлую маску, которой иногда не снимаем до смерти; мы смеёмся и шутим с посторонними, когда слёзы навёртываются на глазах, и сердце готово лопнуть от невыносимой боли. <...> У некоторых это умение маскировать свои чувства достигает виртуозности. <...> И они иногда удачно успевают в своём намерении, проводят всех, порой к собственному ущербу...» [13, с. 73].

На основе вышеприведённых идей Боброва, думается, можно составить некоторое общее представление о характере научных поисков исследователя. Отразились эти идеи и в работах учёного о русской литературе. Для выявления же общих методологических принципов Боброва важным представляется даже сам выбор темы исследования. Так, например, помимо работ о жизни и творчестве Г.П. Каменева, учёный занимался изучением Д.В. Веневитинова [12], А.И. Полежаева [2,3, 6, 14], Е.А. Боратынского [8, 10]. Показательно значима в этом отношении конструируемая связь в литературоведческом сознании Боброва таких писателей, как Каменев, Веневитинов, Полежаев, судьбы которых являют пример упомянутого нами «смертетворчества» в различных своих вариантах, от каменевского и веневитинского «меланхолического» до крайне бунтарского

внимание обратилось на историю блудного сына представленную в шести картинах. <...> Было время, когда и я с пламенными от вина щеками, присусеживался к публичным красавицам, сыпал полною горстью, нажитое отцом моим, и большими глотками вливал в себя яд меня разрушающий. Рассудок тогда удалился, не было благодетельной руки, которая бы бокал у меня вырвала, не было благодетельного человека который бы сказал: стой, несчастный» [26, с. 142]; или: «В праздничные дни часто хожу я по соборам, во время обедни. Собор Архангельской питает мою меланхолию <...> и я, чувствую, какое то печальное, но приятное удовольствие» [26, с. 139] (пунктуация источника. – Р.Б.).

полежаевского, когда смерть поэта является во многом закономерным итогом его творчества, в котором ещё на раннем этапе моделируется определённый тип литературной маски, переходящей иногда в образ моно-лирического героя.

Если же говорить именно об особенностях работ Боброва, посвящённых Каменеву [4, 5, 7, 11], то здесь в первую очередь, стоит выделить пристальное внимание учёного к биографии писателя. В частности, особенно важными исследователю представляются молодые годы Каменева: бурная молодость поэта приводит к тому, что постепенно его «здоровье слабло и разрушалось, а меланхолия, спутница душевного вырождения и неуравновешенности, надвигалась на поэта всё ближе и грознее» [5, с. 11]¹. Однако были и светлые моменты в биографии Каменева – это, по мнению Боброва, прежде всего знакомство поэта с известным казанским масоном С.А. Москотильниковым, который «легко подчинил своему влиянию мягкого, страждущего и юного Каменева. Это влияние было для него безусловно благотворным, что сознавал сам Каменев» [5, с. 33], и именно «Москотильников научил Каменева находить себе утешение в области искусства слова. Москотильников же сделал для Каменева и ещё большее: он ознакомил его с серьёзным взглядом на жизнь, – с тем взглядом, какой разделял он сам со старшими поколениями московских масонов, учеников Шварца» [5, с. 34], «несомненно, что наш бедный юноша-поэт, попав в атмосферу москотильниковского кружка, вздохнул свободнее. Кружок отвлекал его от меланхолии, от семейной драмы, от службы, от скучных коммерческих дел. Здесь он мог чувствовать себя свободно, мог давать волю своему природному добродушному юмору» [5, с. 35]. При этом всё это было лишь признаком психической нестабильности поэта, доставшейся ему

¹ В основном, мы будем пользоваться как источником статей Е.А. Боброва «К биографии Гавриила Петровича Каменева» [5], так как эта работа является итоговой и наиболее полной в осмыслении Бобровым феномена Каменева и включает в себя все предыдущие мысли литературоведа о казанском писателе.

по наследству: «Если отец и передал своему сыну-поэту что-либо из своей физической организации, то это не слабость здоровья вообще, а некоторую нервную расшатанность, которая, являясь в дальнейшем потомстве признаком дегенерации, не мешает проявлению сильных талантов (каким и обладал Гавриил Петрович), но за то вносит в баланс психики “неуравновешенность”. Неуравновешенность есть уже психическое расстройство и выражается, прежде всего, в органической склонности к меланхолии и ипохондрии» [5, с. 10]. Таким образом, Бобров говорит здесь об одной из необходимейших составляющих масочности – принципиальной невозможности полной слиянности душевных элементов субъекта, постоянной борьбе в его сознании и подсознании двух начал. Притом в случае с Каменевым своё отражение в его творчестве нашло в первую очередь меланхолическое мировидение, реализовавшееся в упомянутой выше «личностной рефлексии». Интересно, что сам Бобров, несколько противореча себе, отрицает возможность проявления в каменевских произведениях авторской маски. Вот, например, как учёный сопоставляет особенности авторских инстанций Карамзина и Каменева: «сентиментализм у Карамзина был скоропреходящим и поверхностным налётом на его довольно-таки прозаической и позитивной натуре. Пожав лавры на литературном поприще, Карамзин сбрасывает “чувствительность” и обращается к “сочинению” русской истории. У Каменева заимствованный им у немцев сентиментализм вполне соответствовал его мягкой натуре и являлся у него не маскою, а искренним и естественным духом его произведений» [5, с. 37-38]. Но уже далее в этой же работе исследователь говорит, что «в общем Каменев был довольно трезвый и реалистический наблюдатель действительности. Любопытно его постоянное стремление избирать местом действия своих рассказов и стихотворений близко знакомые и родные места» [5, с. 39].

Дальнейшее же литературное развитие Каменева также, по мнению Боброва, связа-

но с глубинными психологическими особенностями казанского поэта: «Каменев не мог не примкнуть, он должен был примкнуть к романтизму, который как нельзя более соответствовал его собственному мрачному, даже отчаянному настроению духа. <...> Романтическая поэзия давала обильную пищу для этой сумрачности, все более овладевавшей Каменевым» [5, с. 39]. Бобров видит здесь важную и необходимую для литературной маски связь элементов поэтики литературного направления и душевно-биографических фактов, долженствующих находиться, согласно данной форме авторской инстанции, в постоянном взаимодействии: жизнь и искусство определяются друг через друга.

Между тем и сам Бобров делает акцент на наличии некоторых диалогических противоречий в творческом сознании Каменева: «в дальнейших письмах для психолога и психиатра весьма любопытна постоянная смена настроений. Поэт забудется, увлечётся, сыпятся из-под пера его тонкие остроты и шутки... вдруг одно воспоминание, один факт, затрагивающий какую-либо болезненную струну – и поэт как бы съёживается, пред нами больной: “я страдаю” слышится нам его болезненный стон» [5, с. 46-47], но «угрюмое настроение, питаемое отчасти собственными впечатлениями личной жизни поэта, отчасти его новыми литературными вкусами – романтизмом, сильнее и сильнее овладевало бедным Каменевым» [5, с. 85]. Как видим, из равноправного диалога искусства и жизни творческая индивидуальность писателя становится в большей степени строящейся по модели, в которой главенствующее положение занимает искусство, наделяя поэта маской, что постепенно реализуется в жизни и буквально «сводит Каменева в могилу»: «Каменев с особенною охотою обращается к кладбищам и посвящает им несколько оригинальных стихотворений. Но не только в поэзии, но и в жизни направлялся он к кладбищу» [5, с. 86], «блуждая постоянно по кладбищу, и непрерывно предаваясь своему отчаянию, Каменев дожил до галлюци-

наций: пред ним стали въявь происходить те чудеса, о которых он когда-то только читал в романтических повестях и рассказах, пред ним стали разверзаться могилы и являться загробные призраки, предвещающие близкую смерть» [5, с. 89-90]. В итоге же: «меланхолия Г.П. Каменева, в конце концов, надо думать, перешла в полную душевную болезнь, окончательно подорвавшую его истощённый организм и приведшую его к скорой смерти» [5, с. 88].

Таким образом, как нам кажется, Е.А. Бобров в своих исследованиях, посвящённых Г.П. Каменеву, довольно близко подобрался к раскрытию феномена масочности. Объективно в работах Боброва присутствует и достаточная степень «антимасочной» теории и даже прямое отрицание возможности реализации маски как важной составляющей поэтики Каменева. Связано это, возможно, с односторонним пониманием и неразработанностью в литературоведении рубежа XIX-XX веков теории внутридиалогических авторских инстанций. Однако на глубинном уровне, и что в дальнейшем было подхвачено исследователями, мы можем выделить элементы масочной теории в литературоведческих взглядах Боброва. Связаны они будут прежде всего с вниманием к автобиографической составляющей творчества писателя и с пониманием диалогического процесса взаимодействия литературы и жизни, с доминирующим влиянием у писателей масочного типа именно первой на вторую.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 412 с.
2. Бобров Е.А. А.И. Полежаев об А.С. Пушкине. – СПб., 1907.
3. Бобров Е.А. Из истории жизни и поэзии А.И. Полежаева. – Варшава, 1904.
4. Бобров Е.А. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий: Г.П. Каменев и В.А. Жуковский. Предсмертное стихотворение Г.П. Каменева // ИОРЯС. – 1906. – Т. 11, кн. 4.
5. Бобров Е.А. К биографии Гавриила Петровича Каменева // Варшав. унив. изв. – 1905. – №1. – С. 1-24; №2. – С. 25-109.
6. Бобров Е.А. К столетию годовщины рождения поэта А.И. Полежаева (1805 – 1905). – Варшава, 1905.
7. Бобров Е.А. Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки. Т.3. – Казань, 1902. – 199 с.
8. Бобров Е.А. О Боратынском. // ИОРЯС. – 1907. – Т. 12, кн. 3.
9. Бобров Е.А. Отношения искусства к науке и нравственности. – Юрьев, 1895. – 82 с.
10. Бобров Е.А. Памяти Е.А. Боратынского. // Дела и люди – Юрьев, 1907.
11. Бобров Е.А. Первый русский романтик Г. П. Каменев: Биографический очерк // Исторический вестник. – 1903. – № 8. – С. 526-547.
12. Бобров Е.А. Поэзия Д.В. Веневитинова в связи с его жизнью // Материалы, исследования и заметки по истории русской литературы и просвещения в XVIII и XIX столетиях. – Казань, 1902. – Т. 1. – С. 3-82.
13. Бобров Е.А. Роковые бури юности // Философия и литература. Сборник статей (1888-1898). – Т. 1. – Казань, 1898. – С. 71-100.
14. Бобров Е.А. Этюды об А.И. Полежаеве. – Варшава, 1913.
15. Вацура В.Э. Готический роман в России. – М., 2002. – 544 с.
16. Воронова Л.Я. Е.А. Бобров // Русское литературоведение в Казанском университете: Библиографический указатель. – Казань, 2011. – С. 15-19.
17. Залкинд Г.М. Г.П. Каменев (1772-1803): Опыт имущественной характеристики первого русского романтика. – Казань, 1926. – 120 с.
18. Исакова И.Н. О субъектной организации и системе персонажей в лирике // Филологические науки. – 2003. – №1. – С. 27-36.
19. Карташева Е.И. Неизданные письма Гавриила Петровича Каменева // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани: Литературно-публицистические чтения к 200-летию смерти Г.П. Каменева и 170-летию приезда А.С. Пушкина в Казань. Материалы выступлений. 23-24 октября 2003 года. – Казань, 2004. – 176 с.
20. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 2011. – 413 с.
21. Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. – М.-Л., 1966. – С.5-52.
22. Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе 1760-1830-х гг.: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Саранск, 2009. – 40 с.
23. Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе XIII – первой трети XIX в. (генезис, ста-

- новление традиции, специфика функционирования). – Саранск, 2008. – 188 с.
24. Пашкуров А.Н. Жанрово-тематические модификации поэзии русского сентиментализма и предромантизма в свете категории возвышенного: Автореферат дис. д-ра филол. наук. – Казань, 2005. – 44 с.
25. Пашкуров А.Н. Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: Эволюция и типология. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 212 с.
26. Письма Г.П. Каменева к С.А. Москотильникову // Бобров Е.А. Литература и просвещение в России XIX века. Материалы, исследования и заметки. Т. 3. – Казань, 1902. – С. 109-170, 190-199.
27. Салова С.А. Екатерина II, Вольтер, Державин: о контексте оды «Фелица» // Екатерина Великая: писатель, историк, филолог: Сборник научных работ, подготовленный по материалам Четвёртых научных чтений, посвящённых творчеству Екатерины II. – М., 2011. – С. 117-122.
28. Хулапова А.А. Искусство как психическая деятельность (по Е.А. Боброву) // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2010. – № 8/1.
29. Хулапова А.А. Историко-психологические особенности теории критического индивидуализма Е.А. Боброва: Автореферат дис... канд. психол. наук. – Рн/Д, 2011. – 20 с.